

АПОЛОГЕТИКА.

Апологетика занята сопоставленіемъ христіанскаго вѣроученія и міропониманія съ различными научными и философскими построениями данной эпохи. Она имѣетъ при этомъ въ виду не только «апологию» христіанства, не только защиту его отъ тѣхъ или иныхъ нападокъ, обыкновенно идущихъ подъ знаменемъ науки или философіи; рядомъ съ такой отрицательной задачей, въ сопоставленіи истинъ христіанства съ данными науки, имѣется и положительная задача. Эта положительная задача апологетики заключается въ творческомъ сочетаніи началъ христіанства съ выводами науки и философіи, въ построеніи такого цѣлостнаго міровоззрѣнія, которое не только покоилось бы на непоколебимыхъ данныхъ вѣры, но опиралось бы и на результаты многовѣковой научно-философской работы. Дѣло идетъ не о внѣшнемъ согласованіи двухъ духовныхъ сферъ, а о внутреннемъ ихъ синтезѣ, о пронизанности научно-философскихъ построений тѣмъ, что тоже есть фактъ, что есть реальность, но лишь открывающаяся религиозному взору нашему. Христіанизация науки меньше всего достигается внѣшнимъ согласованіемъ и еще меньше ограниченіемъ свободнаго изслѣдованія. Даръ свободы, всвѣщен-ный міру именно христіанствомъ, такъ глубоко и внутренне сопряженъ съ психологіей научно-философскаго творчества нашего времени, что сближеніе христіанства и науки возможно только на путяхъ свободнаго тяготѣнія одной сферы къ другой. И какъ разъ такое внутреннее и свободное обращеніе науки къ даннымъ религіи наблюдается въ наше время. Съ одной стороны въ научно-философскомъ творествѣ остаются сильны и вліятельны антирелигіозныя тенденціи, восходящія къ той борьбѣ за свободу изслѣдованія, которой заполнено начало новой исторіи. Эти тенденціи, эта глубочайшая настороженность въ отношеніи къ религіи сильна еще и нынѣ, но рядомъ съ этимъ все яснѣе и опредѣленнѣе выступаетъ въ научномъ творествѣ свободный и глубокий возвратъ къ религиозному міровоззрѣнію. Уже въ самой наукѣ и философіи разгорается борьба религиозныхъ и антирелигіозныхъ тенденцій, — и эти знаменуетъ какую-то глубокую перемѣну въ психологіи научнаго творчества. Смысль этой перемѣны, еще не развернувшейся вполнѣ, но достаточно ясной въ отдѣльныхъ случаяхъ, заключается въ томъ, что такъ называемая нейтральность науки, ея независимость отъ религиозныхъ или антирелигіозныхъ предпосылокъ все болѣе оказывается мнимой. Секуляризация науки, казавшаяся законченной и безспорной, раскрывается все больше, какъ неудавшійся замыселъ. То, что называлось автономіей науки, ея принципиальной внѣрелигіозностью, оказывается сплошь и рядомъ неосуществимымъ принципомъ. Религіозныя или опредѣленныя антирелигіозныя идеи оказываютъ могучее вліяніе на развитіе научно-философскихъ идей, — и обнаженіе этого факта въ обоихъ направленіяхъ по новому освѣщаетъ вопросъ объ отношеніи религіи и науки. Для христіанскаго взора особенно дорогъ и существененъ ростъ религиозной науки, исходя-

щей изъ религіозныхъ предпосылокъ, но свободной въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ своей внутренней пронизанности религіозными идеями.

Не развивая подробно этихъ положеній, я выдвигаю ихъ только для того, чтобы подчеркнуть ту общую мысль, которая должна быть проведена черезъ всю систему апологетики и которая все яснѣе выступаетъ въ новыхъ книгахъ по этому вопросу. Я хочу въ этой первой замѣткѣ остановиться лишь на книгахъ, посвященныхъ естественно научной апологетикѣ, но не имѣю при этомъ въ виду дать перечень всѣхъ книгъ, вышедшихъ за послѣдніе годы. Я остановлю вниманіе читателя лишь на нѣсколькихъ книгахъ, въ которыхъ какъ разъ выступаетъ упомянутая общая идея современной апологетики.

На первомъ планѣ мнѣ хочется поставить книгу *Бавинка*, посвященную обзору итоговъ современнаго естествознанія (В. В а - в и н к. Ergebnisse und Probleme der Naturwissenschaft). Хотя авторъ принадлежитъ къ извѣстному Kerlerbund'у, но это ни въ малѣйшей степени не вліяетъ на свободу его построеній. Наоборотъ — широта, основательность и внутренняя свобода красной чертой проходятъ черезъ всю книгу, написанную чрезвычайно объективно. Цѣль автора не только дать итоги естествознанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрыть возможность согласованія религіозныхъ идей съ самыми различными научными построеніями. Въ стремленіи дать каждой сферѣ — наукѣ и религіи — возможно больше свободы и взаимной независимости, авторъ доходитъ даже до того, что хочетъ убѣдить читателя въ соединимости религіознаго міровоззрѣнія съ механистическимъ толкованіемъ жизни (S. 295, ff). Это очень рискованное утвержденіе, не могущее быть оправданнымъ, но оно нужно автору, чтобы отстоять свободу научныхъ построеній и ихъ такъ сказать религіозную нейтральность. Только этой тенденціей можно объяснить интересное, но очень искусственное утвержденіе, будто ученіе о конечности или безконечности міра во времени совершенно не связано съ вопросомъ о томъ, созданъ ли міръ Богомъ или существуетъ самъ по себѣ (S. 185). Бавинкъ высказываетъ здѣсь безусловно интересныя мысли, но въ этой сторонѣ своей книги онъ всецѣло во власти прошлаго: для защиты вѣры выдвигается идея соединимости религіи съ любыми научными построеніями. Это и есть та самая идея независимости науки отъ религіи, которая опредѣлила ея секуляризацію. Но рядомъ съ этимъ въ книгѣ Бавинка, объективной и честной, съ огромной силой прорывается внутренняя связь научныхъ исканій и религіозныхъ идей. Ярче всего это сказывается не при обработкѣ научныхъ темъ, а тамъ, гдѣ авторъ высказываетъ свои религіозные взгляды. Достаточно защитивъ религіозную нейтральность науки, онъ неожиданно становится на позиціи единства религіи и науки — но уже въ системѣ религіозныхъ идей. Наука свободна отъ религіи, но религія не свободна отъ науки — и нашъ авторъ ждетъ новой догматики, связанной съ научными идеями нашего времени. Казалось бы, что, если наука и религія взаимно независимы, то каждая сфера автономна, — на дѣлѣ автономія

исчезаетъ для религіи, но тѣмъ самымъ она исчезаетъ и для науки. Идея независимости науки отъ религіи проваливается, и на мѣсто этого проступаетъ планъ «научно обоснованной религіи», который логически правомѣрно можетъ перейти въ принципъ религіозно обоснованной науки. Въ нѣсколько наивной, но все же интересной формѣ та же мысль о внутреннемъ единствѣ религіи и науки (опять же съ подчиненіемъ религіи наукѣ) выражена въ небольшомъ этюдѣ извѣстнаго русскаго физика О. Д. Хвольсона (у меня подъ руками нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: *Das Problem «Wissenschaft und Religion»*). Хвольсонъ ищетъ новой религіи и даже намѣчаетъ ея контуры; для него тоже характерна идея *взаимозависимости* религіи и науки.

Необыкновенно интересна книга, принадлежащая проф. Риму (*Prof. Riem. Weltenwerden. Eine Kosmogonie. Natur und Bibel in der Harmonie ihrer Offenbarungen* V. I. Leipzig 1925). Книга не только свѣжа и богата научнымъ матеріаломъ, не только объективно и полно передаетъ различныя направленія въ астрономіи, физикѣ, геологіи и т. д., но она изнутри религіозна. Она не защищаетъ христіанства, она какъ бы находитъ его въ глубинѣ научной мысли; научныя построенія свободно и опредѣленно ведутъ къ идеѣ Бога-Творца. Въ томъ же духѣ написана и недавно изданная въ Чикаго интересная книга подъ заглавіемъ «*Contribution of Science to religion*». Помимо богатаго, точнаго матеріала, книга цѣнна своей тенденціей — такъ сильно выраженной въ заглавіи книги. Такъ же значительны и глубоки построенія извѣстнаго американскаго ученаго Whitehead'a. Но помимо самого матеріала, который даютъ эти книги, ихъ отмѣчаетъ та внутренняя пронизанность научнаго творчества религіозной идеей, которая совершенно порываетъ съ прежней идеей оторванности науки отъ религіи. И все же среди всѣхъ перечисленныхъ книгъ по справедливости первое мѣсто должно быть отведено книгѣ проф. Рима — за ея полноту и основательность, а главное за тотъ удачный, внутренний, а не виѣшній, органический, а не поверхностный синтезъ религіознаго и научнаго міропониманія, который уже достаточно назрѣлъ. (См. особенно первую главу о Космогоніи и третью гл. о потопѣ). Именно эта внутренняя насыщенность книги религіозными идеями, а въ то же время дѣйствительная, подлинная свобода научной мысли лучше всего показываютъ, какая перемѣна совершилась въ самыхъ глубинахъ научно творческой психологіи.

Новые тона сильны и въ большой книгѣ *Religion, Christenthum, Kirche*, издаваемой Эссеромъ и Маусбахомъ — двумя католическими учеными. У меня подъ руками первый томъ, написанный нѣсколько трудно и даже кое-гдѣ недоступно для средняго читателя, — однако, богатство идей, философская четкость выдвигаютъ эту книгу въ первые ряды. Болѣе доступна и потому и болѣе цѣнна книга покойнаго католическаго апологета Гибера. Въ 1910 г. появилась очень интересная его книга *Les croyances religieuses et la science de la nature*, — уже въ этой книгѣ Гиберъ развивалъ столь часто встрѣчающееся

У католических богослововъ идеалистическое (символическое) истолкованіе того, что даетъ Библия въ своемъ ученіи о мірѣ. Его большой трудъ *Les origines (du monde, de l'énergie, de la vie, des espèces, de l'homme)* даетъ лучшее на французскомъ языкѣ руководство для пониманія взаимоотношеній научныхъ и религіозныхъ идей въ наше время. Книга Гибера, въ новыхъ изданіяхъ редактированная *Chinchole*, излагаетъ очень объективно и достаточно полно итоги современнаго естествознанія по всѣмъ основнымъ вопросамъ. Хотя упомянутая работа Рима стоитъ выше, но и книга Гибера (*Les origines...*) заслуживаетъ большаго вниманія по полнотѣ и объективности матеріала. Замѣчательно, что объективное отношеніе къ фактамъ такъ прямо выдвигаетъ религіозную проблему. Научное міровоззрѣніе не ведетъ къ религіи, но оно изнутри уже проникнуто религіозными идеями, если только научнымъ творчествомъ не овладѣваютъ опредѣленныя антирелигіозныя тенденціи. Въ книгѣ Гибера для православнаго читателя чуждо лишь чисто идеалистическое толкованіе картины міра, рисуемое Библией. Вѣрно то, что въ Библии дана не только исторія, но и метаисторія, что содержаніе Библии глубже, полнѣе, таинственнѣе, чѣмъ это выражаетъ чисто реалистическое толкованіе ея. Но символическая значительность Библии покоится не на исимогеніи, а, наоборотъ, на утвержденіи ея реалистическаго пониманія. Во многихъ мѣстахъ своей книги Гиберъ какъ бы капитулируетъ — притомъ безъ нужды — передъ наукой. Отъ эпохи секуляризаціи останется навсегда принципъ свободы — но свобода столь же дорога религіи, какъ и наукѣ. Наука не должна приспособляться къ религіи, *но и религія не должна приспособляться къ наукѣ*. Вѣрно то, что религія и наука *учатъ объ одномъ и томъ же*. Этимъ категорически преодолевается ричлианское разграниченіе метафизики и религіи, имѣвшее столь глубокое и фатальное вліяніе на весь ходъ протестантской догматики. И то, что въ самой наукѣ идея существеннаго единства науки и религіи пока проступаетъ (какъ у Хвольсона) въ формѣ подчиненія религіи наукѣ, это есть лишь непродуманное выраженіе великой идеи о единствѣ науки и религіи. Путь религіозной науки еще не открылся вполне, европейская мысль съ трудомъ вступаетъ на этотъ путь, — но она уже вступаетъ на него.

Разбирая нѣкоторыя интересныя въ этомъ направленіи книги, я съ сожалѣніемъ долженъ отмѣтить, что нѣтъ еще ни одной работы, подводящей итоги тому, что дала для нашего вопроса *психологія*. Изученіе душевной жизни настолько серьезно раскрываетъ своеобразие психическаго міра, что соответственная систематизація фактовъ дала бы замѣчательную картину единства религіознаго и научнаго пониманія души. Но въ апологетической и научной литературѣ пока нѣтъ ничего цѣннаго въ этомъ направленіи. Недавно мнѣ пришлось довольно детально познакомиться съ американской психологической литературой, написанной именно на эту тему, но ничего дѣйствительнаго цѣннаго, къ сожалѣнію, указать нельзя.

В. В. Зыньковскій.